

В. П.
СВЕНЦИЦКИЙ

Сочинения

Валентин Павлович Свенцицкий

Мировое значение аскетического христианства

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2372385*

Аннотация

«Когда вдумываешься в эпоху первых веков христианства или слышишь противников отшельничества, затвора, противопоставляющих мрачному, чёрному аскетизму радостный, светлый лик христианских общин первых веков, чувствуешь всегда, что правда на стороне тех, кто утверждает подлинность религиозную за первоначальным христианством...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Валентин Павлович Свенцицкий Мировое значение аскетического христианства

Предлагаемый доклад представляет попытку осмыслить два противоположные, на первый взгляд, утверждения, примирить два как бы различные религиозные восприятия.

Когда вдумываешься в эпоху первых веков христианства или слышишь противников отшельничества, затвора, противопоставляющих мрачному, чёрному аскетизму радостный, светлый лик христианских общин первых веков, чувствуешь всегда, что правда на стороне тех, кто утверждает подлинность религиозную за первоначальным христианством¹

И в то же время, когда вчитываешься в творения представителей самого крайнего аскетизма или слышишь его защитников, также не можешь не признать, что и здесь есть

¹ «Многие христианские общины объединяли в своём составе одновременно и лиц, состоящих в браке, и сторонников целомудрия, дев и аскетов. <...> Хранящие невинность представляли собой своего рода аристократию Церкви и служили недостижимым образцом для многих из тех, кто старался хранить смирение. Община считала их «избранными из избранных» (Аман А.-Г. Повседневная жизнь первых христиан. 95–197. М., 2003. С. 251–253).

какая-то правда.

А между тем совершенно ясно, что Антоний Великий и Макарий Египетский² представляют из себя нечто совершенно иное, чем те христиане, которые в своих катакомбах рисовали Христа, благословляющего новобрачных³

В чём же правда этих различных религиозных эпох? Как осмыслить соотношение между тем и другим? В чём утверждать мировое значение аскетического христианства, чтобы примирить чувство правды по отношению и аскетизма, и первоначального христианства?

* * *

Жизнь человеческая полна глубочайших внутренних противоречий, полна борением самых противоположных, враждебных стихий. Вот почему так грубо-ошибочно почти всякое суждение о живом человеке: здесь временное состояние духа его, непрерывно находящееся в движении, возводится на степень статического состояния. Индивидуальные различия бесконечны. Один колеблется от святости до преступления, другой от житейских грехов до житейской порядочности – но всё же столкновениями противоположных сил испол-

² Антоний Великий и Макарий Египетский, прпп. – основоположник христианского отшельнического монашества и его ученик, в III–IV вв. десятки лет проведшие в уединённом подвиге и стяжавшие дары благие.

³ См.: Там же. С. 259; Православная энциклопедия. Т. 6. С. 182.

нена жизнь нашего духа. Христианин воспринимает жизнь человека как мировую тяжбу за некоторую абсолютную ценность. Человек – герой мировой трагедии, которая заложена в самую основу мироздания.

Жизнь – не гармоничный аккорд, а бурный, душу надрывающий диссонанс⁴ Этот диссонанс достигает своей величайшей степени в чувстве любви. Здесь утверждение плоти, начала конечного, восстаёт на слияние в духе, в начале бессмертном. Безумная, слепая, всю душу порабащивающая *страсть* посягает на светлую, чистую, радостную любовь: тёмная жажда плоти, обладания, похоти стихийно борется в душе человеческой с нетленным началом в любви⁵. Любовь христианина – Голгофа, распятие плоти своей во имя вечной духовной правды.

Добро и зло, любовь и страсть, творчество и разрушение, безобразие и красота, дух и плоть, Христос и Антихрист – вот какие антиномии разрывают на части человеческую душу.

⁴ «Для христиан будущее – не мирный культурный процесс постепенного нарастания всяких ценностей, а катастрофическая картина взрывов» (Эрн В. Сочинения. М., 1991. С. 218).

⁵ С. М. Соловьёв ещё 24 февраля 1905 сетовал на Эрна и его товарищей по «образующемуся обществу» за то, что «они тормозят торжество религии святого сладострастия», которую он исповедовал; а 14 мая заявлял: «Эрна и Свенцицкого определённо не хочу и верую не по-ихнему и знаю, что отец мой тоже верил не по-ихнему». И в этом проповедник сладострастия был совершенно прав, как и в противопоставлении «Брюсовских чертей и Свенцицких ангелов» (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. С. 392, 395, 397).

Христианство было бы безнадежнейшей религией, религией самого чёрного отчаяния, если бы оно, утверждая дуализм в своих восприятиях, оставило его как *факт*. Жизнь оцепенела бы от «благой вести», крест стал бы символом человеческого отчаяния и смерти.

Но в том-то и дело, что в христианстве с той же силой, с которой, ничего не щадя, разрушая в прах все сантиментальные монистические иллюзии, утверждается трагедия самого безнадежного дуализма, с такой же силой утверждается и другое: вера в то, что дуализм этот *будет* превзойдён, что спасение *уже* свершилось!

Да, материя и дух. Но в живом Лице Богочеловека они воплощены неслиянно и нераздельно. Да, мир полон враждующих стихий, земля борется с небом. Но *новое* небо и *новая* земля – сольются воедино⁶. Да, всё разрывается на части от внутренних противоречий, но наступит день, тленная кора мира спадёт, и сморщенная старуха, как в сказке, заблещет красотой вечной женственности; кошмарный диссонанс разрешится аккордом вечной гармонии.

Со всей силой утверждает христианство стихийную борьбу Христа и Антихриста.

Со всей силой утверждает оно победу Христа.

Не пережив этого дуализма, не пережив Антихриста в душе своей, нельзя познать Христа⁷. Чтобы за старым Иеруса-

⁶ Еф. 1, 10.

⁷ Утверждение основано на учении святых отцов, в частности св. прав. Иоанна

лимом прозреть новый, надо отречься от надежды *доказать* Христа и как носителя Истины, и как учителя жизни⁸

Нет, ничто Его *не доказывает!* Всё позволено. Всё можно⁹. Только в *окончательном* отрицании – новорождение. Вера в Христа, примирение дуализма даётся победой над Антихристом.

* * *

Эпоха первых веков – это весна христианской истории. Но было бы глубоким заблуждением думать, что эта весна хоть сколько-нибудь была похожа на идиллию, имела в себе хоть какую-нибудь тень сентиментальности. Страшные грозы и тогда гремели с неба. Но весеннее солнце было слишком живительно, слишком сияло оно в душе каждого хри-

Кронштадтского (подр. см.: Свенцицкий В. Собр. соч. Т. 1. М., 2008. С. 224, 695, 742).

⁸ «В Священном Писании <...> нет никаких специальных доказательств бытия Божия. Очевидно, что сверхъестественное божественное откровение само по себе не требует доказательств бытия Божия, построенных по законам человеческого разума. <...> Для христиан жизнь в Церкви, таинство св. Евхаристии и есть живое и непрерывное свидетельство вечного бытия Бога-Троицы» (Православная энциклопедия. Т. 15. С. 555). «Что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им» (Рим. 1, 19). «Вера во всё отлична от доказательства: доказывает человек, веру дарует Бог» (Паскаль Б. Мысли. 471). Невозможность доказательства существования Бога показал И. Кант в работе «Критика чистого разума».

⁹ Ср. позиции ап. Павла (1 Кор. 6, 12) и Ивана Карамазова (Достоевский Ф. Полное собр. соч.: В 30 т. Т. 14. С. 76).

стианина.

Христос, апостолы, радостный трепет новой жизни, впервые открывшейся миру, – всё это кладёт какую-то особенную печать на эпоху первоначального христианства.

Люди жили в атмосфере любви, радости, реального, почти осязательного присутствия Христа. Незагрязнённым духом своим они соприкасались с миром иным; вот почему в их настроениях так мало чувствуется власть времени: для них пришествие Христа во славе было чем-то почти уже начавшимся. Всеобщего воскресения они ждали каждый миг своей жизни. Полагая покойника во гроб, они прощались с ним ненадолго, любовно убирали его тело, нетленность и воскресение которого было для них глубоким, вполне реальным религиозным фактом.

Дуализм в христианстве первых веков был так же превзойдён, как и в личности Иисуса Христа: это не было простое отбрасывание внутренних трудностей – это была победа над ними¹⁰. Вся Церковь как бы пережила вместе с Петром отречение от Иисуса¹¹ и вместе с ним стала крепкой, как скала. Живя в эмпирических условиях, она претворяла их постольку, поскольку возможно полноте религиозной правды претворять природный строй. Но вся полнота времён ещё не исполнилась¹². Если бы сроки исполнились в ту эпоху, тогда

¹⁰ Ин. 16, 33; 1 Кор. 15, 54–57; 1 Ин. 5, 4.

¹¹ Мф. 26, 69–74.

¹² Еф. 1, 10.

незачем было бы существовать истории, тогда сразу свершилось бы то, что может рассматриваться только как её последнее слово. Тогда могла бы начаться «вечная жизнь».

Полнота жизни *христианской* ещё не была полнотой жизни *мировой*. Мировая жизнь была разорвана дуализмом ещё непримирённым, непревзойдённым. Полнота христианская была противопоставлена язычеству. Царство мирское – Царству Божьему.

И если то, что принято называть мистической Церковью, было выражено в первоначальном христианстве с наивысшей, наивозможнейшей в эмпирических условиях полнотой, то всё же тяжбе мира с христианством была достаточная почва там, где соприкасались эти два мира. Человек уже познал Бога, сам стал Божьим, людей любил как братьев, но *бщество*, весь языческий мир ещё не стал Церковью. То, что в Церкви было вне времени и пространства, всё же имело связь с миром конечным. Церкви и христианству предстоял ещё долгий исторический путь. Церковь первых веков была как бы единой душой и единым телом. Враждебная ей стихия была заключена не *внутри* неё, а *вне*, в той языческой среде, в которой ей приходилось существовать. Дуализм был не в Церкви, а в мире, где, с одной стороны, утверждалось Царство Божие, с другой – царство князя. Разрешение этого дуализма было и есть смысл мирового процесса.

Внешняя организация Церкви, в силу вещей, оказалась в ближайшем соприкосновении и антагонизме с той есте-

ственной природной жизнью, которой жило нехристианское общество. Она-то, эта воинствующая Церковь, и вступила на путь компромиссов с князем мира сего. Она не была в силах победить мир сразу и потому предпочла вступить с ним в союз. Эпоха первоначального христианства кончилась – началась *церковная история*. Чтобы понять мировое значение аскетического христианства, надо во всей полноте понять, какие изменения произошли в Церкви, вступившей на этот путь.

* * *

Порче и искажению подверглось всё *прикладное христианство*. Вся общественная мораль. Всё, что определяло отношение к *внешнему миру*¹³. Абсолютные, ясные как день моральные требования Евангелия подверглись ограничению и из абсолютных стали относительными. Этой относительности продолжали приписывать значение абсолютного, в результате чего получилось то разложение церковного строя, которое, кажется, в наши дни уже становится явным и для слепых.

Евангелие категорически запрещает убийство¹⁴. Историческая церковь, ограничившая себя требованиями мира,

¹³ 13

¹⁴ Мф. 5, 21; 15, 19; 19, 18. См. также: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. VIII.1; IX.3 (далее – ОСК).

прибавила к этому: но убийство на войне или по приговору законного суда вполне допустимо. «Не судите», – сказал Христос; это значит: не осуждайте понапрасну, пояснила церковь, а суды, установленные законом, допустимы. «Не клянитесь вовсе», – сказал Христос. Но, прибавила церковь, если этой клятвой подтверждается присяга, её можно сопровождать крестным целованием.

Так требованиями компромисса было ограничено моральное учение Евангелия. Всего ярче чувствуется эта атрофированная часть Церкви Христовой тогда, когда она воплощается в живом человеке и когда совмещается в нём с другой, подлинно божественной стороной духа.

Приведу один пример.

Прочтите творения епископа Феофана. Вы будете поражены глубиной и силой его созерцания. Ему открыты были все тайны человеческого духа, он ведал самые сокровенные изгибы греха. Я не знаю, Достоевскому в его гениальных художественных прозрениях открывались ли такие глубины падения и духовного подъёма, какие открывались в молитвенном созерцании этому отшельнику? Феофана нельзя читать без благоговения, без трепета душевного. Здесь святость воочию вводит вас в запредельный мир – общаешься с истинным служителем Божиим, осязательно видишь душу его, а это открывает новые, неведомые пути для самопознания. Отшельник говорит вам о Боге и о вашей душе как власть имущий, у вас даже мысли нет, что здесь может быть

ошибка, вы чувствуете живой опыт. Истина сама свидетельствует за себя.

Но вот заканчивается написанное *о духовной жизни и Боге*. Небо исчезает из глаз. И пред вами словно свершается чудо. Очарование рушится, великан разом превращается в уродливого карлика, а вместо властного голоса, говорящего как гром, в ваши уши кто-то пищит фальшивые слова. Вам не верится, что великий Феофан, потрясавший вашу душу, открывавший вам просветы в мир иной, мог говорить так: «чужое» надо принимать «только под условием крайней нужды и совершенного согласия с своим духом». Властям «являть молчаливую покорность, как изрекающим волю Божию», повеления «и учреждения их чтить, принимать, исполнять *без размышления* с терпением».

Слепота Феофана доходит здесь до того, что он пишет пространное наставление хозяевам, как обращаться со слугами¹⁵, совершенно забыв, что ему следовало писать не об этом, а о том, что ни слуг, ни рабов не должно существовать среди христиан вовсе.

Из всего мною сказанного с достаточной ясностью выте-

¹⁵ Феофан Затворник, свт. Начертание христианского нравоучения. М., 1998. С. 515–516, 504–507. Критика вполне обоснована. Ср.: «Когда в России началось движение против крепостного права и телесных наказаний, авторитетный святитель доказывал, что это право и побои – закон Божественной воли. <...> В Евангелии сказано: «не собирайте сокровищ на земле», <...> а наш глубокий моралист-святитель доказывает относительно богатства, что «должно принимать его, умножать и хранить» (Экземплярский В. Евангелие и общественная жизнь. Киев, 1913. С. 69); цитируется указ. соч. (с. 484).

кает первое моё основное утверждение:

Церковь, поскольку она должна была определить своё отношение к миру, смешалась, перепуталась с ним и потому потеряла своё абсолютное значение.

* * *

Дуализм, переживаемый каждой отдельной душой, *в мире* слагается из двух начал: мира природного, конечного, смертного – и мира духовного, абсолютного, нетленного. Дуализм мира – дуализм земли и неба. Примирённый в эпоху первоначального христианства, он не мог преобразить вселенную и создать космоса, потому что ещё не были выявлены все потенции, включённые в мир¹⁶.

Внешняя церковная организация, соприкасавшаяся с государством и общественным строем, подверглась смешению¹⁷, *а христианство в его абсолютном значении – ушло в пустыню.*

Надо быть художником, чтобы сколько-нибудь передать религиозную сущность того, что свершалось в пещерах, под землёй или в дремучих лесах, когда человек посвящал се-

¹⁶ «История мира для христиан – медленное, свободное разделение Добра и Зла. Разделение, на одну сторону которого встанет всё готовое к воссоединению с Творцом своим, – на другую всё стремящееся к окончательному самоутверждению» (Свенцицкий В. Собр. соч. Т. 1. М., 2008. С. 222).

¹⁷ О недопустимости такого смешения см.: ОСК. III.3, 5.

бя Богу и в непрестанной молитве и созерцании, неведомый миру, в полном одиночестве и безмолвии свершал своё великое служение. От нас слишком заслоняется психология аскетического христианства общепринятым отношением к нему как к какому-то изуверскому самоспасанию. Такое мнение установилось потому, что к отшельничеству предъявлялось явно не соответствовавшее ему требование, требование *прикладного христианства*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.